

УДК 94(73):329.36«1962/1969»

Шатилов Д.О.

Московский государственный областной университет

ХИППИ: ФЕНОМЕН НЕПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА 60-х XX в. В США

D. Shatilov

Moscow State Regional University

HIPPIES: THE PHENOMENON OF NON-POLITICAL PROTEST IN THE USA IN THE 60-s

Аннотация. Данная статья посвящена анализу одного из направлений неполитического молодежного протеста 1960-х гг. в США – движения хиппи. Основываясь на социологических исследованиях и внутренней прессе движения, автор выделяет несколько признаков, по которым можно сделать вывод о том, что движение хиппи представляло собой уникальный в истории США пример молодежного протеста. Также в статье указаны состав движения хиппи и его численность в период с 1962 по 1969 г. – от зарождения движения до спада его активности.

Ключевые слова: хиппи, субкультура, протест, «занимайся своим делом», «просто быть», «трип».

Abstract. This article is devoted to the analysis of one of the directions of non-political youth protest in the United States in the 60-s – the hippie movement. Basing his conclusions on sociological research and the internal printed media of hippie movement the author singles out several signs which enable to conclude that the hippie movement was a unique example of youth protest in the history of U.S. Besides, this article specifies the structure of the hippie movement and its quantity between 1962 and 1969 – from the birth of the movement till its activity decay.

Key words: hippie, subculture, protest, «do your own thing», «just being», «trip».

1960-е годы – время подъема молодежного движения в мире. Массовую форму это движение приняло в США. Война во Вьетнаме, расовый вопрос, неразрешенные социальные противоречия – все это заставило молодых американцев осознать, что общество больше не может гарантировать им такого будущего, которого они, как считали, были бы достойны. Пытаясь изменить ситуацию, одна часть молодежи – наиболее активные студенты, представители интеллектуальной элиты и рабочие – выбрала путь политической борьбы. Так родилась крупнейшая группа американских студентов под названием СДО – «Студенты за демократическое общество». В течение десяти лет отделения СДО вели активную работу по всей стране, организовывая демонстрации против расовой сегрегации, протестуя против войны во Вьетнаме и ратуя за реформу университетского образования.

Иной путь выбрала другая группа. Представив ожидающее их будущее, она отказалась от него, предпочитая добровольному «вхождению в Систему» выход за ее пределы – выход в неизвестность. Одной из крупнейших групп аполитичного крыла молодежного протеста в США были так называемые хиппи.

Впервые термин «хиппи» увидел свет в 1965 г. на страницах журнала «Ramparts», в статье, озаглавленной «Социальная история хиппи». Происхождение термина доподлинно установить невозможно. По одной версии, в основе его лежит слово «хипстер», которое американский писатель Уильям Берроуз использовал в романе «Джанки» в качестве эвфемизма наркомана. Согласно другой, оно заимствовано из джазового сленга, где «to her» означало буквально «быть в теме, просекать фишку, врубаться» (отсюда и «hercat», «кошак» – кличка уличных джазовых музыкантов). Третья версия тоже имеет право на существование: соглас-

ное ей, суть названия – в бедренной вене (a hip – по-английски «бедро»), которая является наиболее удобным местом для инъекции героина. Так или иначе, слово это прижилось, пусть и не без сопротивления со стороны самих хиппи, считавших, что эта газетная кличка профанирует все, за что они ведут борьбу. Одним из наиболее ярких, хотя и тщетных протестов против стереотипного восприятия движения прессой и общественностью стал в 1966 г. съезд хиппи в районе Сан-Франциско – Хайт-Эшбери, бывшем тогда крупнейшей городской коммуной в Соединенных Штатах. В ходе торжественной церемонии «отцы» движения официально похоронили слово «хиппи», обязав всех и каждого пользоваться истинным названием – «прекрасные люди» (beautiful people).

Задача этой статьи – дать краткое представление об основных чертах хиппи и очертить место, которое они занимают в истории молодежного протеста.

В качестве массового движения хиппи существовали в США недолго – меньше десятилетия. Пик движения пришелся на 1967 год – знаменитое «Лето любви» и фестиваль в Вудстоке, спад же обозначился двумя годами позже, когда во время концерта «Rolling Stones» в Альтамонте двое зрителей были убиты охранявшими сцену байкерами из группировки «Ангелы Ада».

В расцвет движения хиппи насчитывали в своих рядах более 500 тысяч человек явно и более 100 тысяч – тайно, то есть мимикрируя под обывателя «с его работой «с 9 до 18 :00», семьей и закладной на загородный домик» [3, с. 56].

Выходцы из среднего класса, хиппи были неоднородны, непоследовательны и зачастую парадоксальны. Наилучшим примером тому служит тот факт, что, проповедуя крайний индивидуализм, они тем не менее тяготели к унификации стиля и манеры общения. Человек, общающийся с хиппи, но не использующий атрибутику движения и его особый сленг, рисковал быть не понятым. В этом противоречии скрывался зародыш будущей коммерциализации движения. Осознав, что

фенечки, бусы, статуи Будды и Шивы, восточные благовония и экологически чистая еда – не символы веры, а такой же товар, как и все остальное, крупные производители взяли новую моду в оборот, и к концу 1960-х гг. движение пришло к тому, что хиппи мог стать каждый, но не хотел быть никто.

Продолжая мысль, следует заметить, что грань между действительным и показным в хиппизме изначально была чрезвычайно размыта. Это было убеждение (в отличие от современных молодежных течений, у хиппи была своя мощная «теоретическая» база), но одновременно это был и стиль. Возникает вопрос: где именно у хиппи проходила грань между носителем идеи и человеком, которому после скучной рабочей недели нравится одеваться в яркое и необычное? Когда вчерашний клерк был вправе считать себя настоящим членом движения? После первой сигареты с марихуаной? В момент первого кислотного трипа? Спустя месяц жизни в коммуне? Ведь если принять за «настоящего хиппи» человека, следующего без исключений всем (!) предписаниям движения, то такого хиппи попросту не существует. Он, этот идеал – фикция, мираж. Вернее, он не существует именно как хиппи. Такой человек – это крестьянин, рыбак, поденщик или студент, которому до контркультуры никакого дела нет. Стать им для любого «прекрасного человека» означало бы перестать быть «прекрасным человеком». Обрети утопия хиппи жизнь, в ней не нашлось бы места самому хиппи. Миру, где люди живут в гармонии с природой и с самими собой, не нужен человек в ярком костюме, с цветами в волосах и с вечной самокруткой из марихуаны.

И все-таки, если «настоящего» хиппи нет и быть не может, то говорить следует о хиппи наиболее «правоверном», то есть о том, кто соблюдает не все, но большую часть (!) правил сообщества, сохраняя при этом некоторую толику позы, стиля. И вот как раз такого хиппи вполне можно распознать – не забывая, разумеется, что на каждого такого «правоверного» приходился добрый десяток наркоманов, попрошаек и прочих сомнитель-

ных личностей, которые слова «эти чертовы хиппи» в свой адрес слышали куда чаще. Но – такова цена массовости.

Первым признаком настоящего хиппи можно назвать отношение к работе и трудовой дисциплине. Америка 1960-х гг. – протестантская страна, где Труд в системе ценностей занимал почетное место рядом с Богом, превратившись из средства в самоцель, а пальму первенства в воспитании прочно удерживала деятельностная парадигма. «Трудись и будешь вознагражден», «Чем больше выложишься, тем выше будет награда» – следуя этим нехитрым правилам, американец, гражданин «машинного общества» [3, с. 157], рассчитывающий преуспеть в жизни, должен был быть готов трудиться днем и ночью, при этом зубами цепляясь за свое рабочее место.

“Правоверный” же хиппи с пренебрежением относился к постоянной работе. Хотя он вполне способен был трудиться в качестве поденщика, “ежедневное рабство с девяти до шести” было не для него. Совсем иначе воспринимал он труд для собственного удовольствия или на благо коммуны. Своему делу («you own thing»), будь то плетение корзин или создание сувениров, хиппи мог посвящать до двенадцати часов в сутки. Главным в таком труде для него была возможность самостоятельно распоряжаться своим временем. Из данного подхода к работе проистекает тот факт, что какую-то часть времени хиппи приходилось **бездействовать**, и если у «делового человека» с его мечтами о благосостоянии такой период неизбежно вызвал бы депрессию, то для хиппи отсутствие деятельности нисколько не противоречило общему укладу жизни, вполне укладываясь в рамки понятия «justbeing». «Я просто был» – мог бы ответить хиппи на вопрос, чем он занимался последнее время, – поскольку для него существование имело ценность само по себе, вне зависимости от того, наполнено оно созидательной деятельностью или нет. Не следует все же считать «правоверного» хиппи бездельником – скорее он был человеком, которого **волнует точка приложения своего труда**. Многие студенты престижных техни-

ческих университетов сознательно примыкали к хиппи по той простой причине, что по завершении обучения им не хотелось собираться на заводах оружие для войны во Вьетнаме, – а именно это они обязаны были делать в течение трех лет согласно букве закона. По этой же причине многие хиппи вовсе отказывались от получения образования. «Какая разница, грамотно ты пишешь или нет, если все, что тебя учат писать – это «Смерть черномазым!» и «Да здравствуют Соединенные Штаты!» [2, с. 90].

Второй признак можно обозначить как **интерес** к наркотикам. Подчеркиваем, **интерес**, не более того. Ознакомившись с внутренней прессой движения, мы можем заметить, что хиппи, за которыми и по сей день держится дурная репутация наркоманов, относились к веществам, вызывающим привыкание, достаточно сдержанно. Использование героина и прочих опиатов считалось в их среде дурным тоном – героиновые наркоманы вызывали жалость, смешанную с брезгливостью. Более спокойное отношение вызывали люди, принимавшие так называемые “спиды” – стимуляторы амфетаминового ряда, например, метедрин. В двух словах разницу между хиппи и наркоманом можно определить так: если наркотик предлагает откровение и кайф, для наркомана первичен кайф, для хиппи – откровение [3, с. 117]. Он – своего рода исследователь, а наркотики для него – лишь менее затратный способ осознать то, что иначе достигается продолжительной медитативной практикой и чтением мантр. Такой подход сродни использованию буддистских молитвенных барабанов, многократное прокручивание которых способствует увеличению духовных заслуг. Отличает хиппи от обычного наркомана и факт восприятия “плохого трипа”: если для наркомана он знаменует крушение привычного мира, то хиппи воспримет это скорее как любопытный опыт, ведь подсознание каждого человека содержит в себе не только хорошее, но и плохое.

Повседневной практикой для хиппи было курение марихуаны. Наряду с ее раскрепощающим эффектом, хиппи особенно ценили

ее способность приводить настроение отдельного человека в унисон с настроением группы. Марихуана, таким образом, была способом “включиться” (tune-in). Нередко “косяк” был для хиппи лишь прелюдией перед основным “таинством” – приемом ЛСД. Эти религиозные термины, употребляемые в основном “гуру” движения, свидетельствуют о том, что наркотики в сообществе хиппи играли куда более важную роль, выходящую за рамки средств для получения удовольствия. Религиозные практики хиппи можно сравнить с ритуалами американских индейцев: неспроста своих идеологов (например, Тимоти Лири) хиппи называли не иначе, как шаманами [1, с. 37].

Третий признак условно можно обозначить как стремление к отделению от общества. Здесь движение хиппи в определенной степени расходится с понятием «субкультура»: если в последней противопоставление себя обществу является средством самоидентификации, то у хиппи «выпадение», добровольный уход на обочину жизни (drop-out) является не банальным протестом, а настоящим, подлинным поиском альтернативы, попыткой обрести какую-то качественно иную жизнь. Хорошей иллюстрацией этого факта служит то, что примерно 5% от общего числа хиппи в 1960-е годы составляли люди с эмоциональными и психическими проблемами, которые, сбежав от общества с его методами лечения, обрели среди хиппи заботливый уход, сочувствие и понимание [1, с. 233]. Опыт таких людей, в сущности отвергнутых, осужденных прагматичным обществом, показывает, что, несмотря на субкультурный характер движения хиппи, они были способны на большее, нежели современные молодежные объединения.

От молодежной субкультуры хиппи отличались и более деятельным подходом к осуществлению собственного «проекта» (так мы назовем расплывчатое представление хиппи об обществе, основанном на любви и единстве). Выразилось это в создании многочисленных коммун, как сельских, так и городских, из числа которых наибольшую

известность получила городская коммуна района Хайт Эшбери, в Сан-Франциско [1, 12]. Чуть менее популярными были сельская коммуна в Калифорнии, названная в честь одной из песен «Beatles» – «Strawberry fields» или «Клубничные поля» – и коммуна «Morningstar&Willer», существующая и по сей день. Надо сказать, что с течением времени хиппи, проживающие в коммунах, отказывались от наркотиков и промискуитета, переходя к более сдержанному образу жизни.

Жизненную позицию хиппи хорошо иллюстрирует принцип “Занимайся своим делом” (Do your own thing). Это еще один пример лозунга, на первый взгляд – простого, но содержащего в себе целую программу. “Заниматься своим делом” для хиппи значило обратить свой взгляд на проблему самоактуализации, оставив внешний мир в стороне. Например, “правоверный” хиппи не стал бы протестовать против войны во Вьетнаме, рассуждая примерно так: “Если бы люди “наверху” были способны слушать и размышлять над услышанным, разве начали бы они вообще эту бессмысленную войну? Так что не стоит надрывать глотку, пытаясь до них докричаться. Даже если я и мои друзья встанем с плакатами возле Белого Дома, это ни на что не повлияет. Горстка крикунов под окнами – ничтожная плата за сверхприбыли для корпораций, производящих оружие, и новые сферы влияния в Малой Азии – для ненасытного правительства. Один день, проведенный в медитации, труде и общении с доброжелательными людьми значит для меня больше, чем ложное ощущение того, что я что-то сделал для приближения мира. Так что, пусть я и не могу остановить войну, идущую снаружи, но в моих силах не пустить ее в собственное сердце” [2, с. 46].

Другую сторону этой заповеди, распространяющуюся и на человеческие отношения, можно сформулировать следующим образом: не следует чрезмерно доверять лидерам или тем, кто претендует на это место; каждый человек – сам себе хозяин, и никто лучше него самого не знает, что для него хорошо, а что плохо. Из этих слов для хиппи вытекает от-

существование необходимости насилия. Никто не должен никого заставлять что-либо делать – говорит хиппи.

Корни подобного поведения лежат в учении ахимса¹ – принципа непротивления насилию, позаимствованного хиппи из индуизма. В контексте этого учения преобладание над собой чьей-то воли хиппи обязан рассматривать как испытание своего терпения и доброго отношения к миру. Например, столкнувшись с полицией и угодив в камеру, хиппи мог размышлять так: «Я и полицейский – мы оба делаем свое дело, оба испытываем друг друга. Он пробует на прочность мои убеждения, я – его. Мы равны. Я не имею права ненавидеть или презирать его. В моей жизни он – лишь препятствие, которое я обязан преодолеть, призвав на помощь свое спокойствие и самообладание» [3, с. 190].

Эта позиция, неплохая сама по себе, нередко оборачивалась для хиппи боком, когда в коммуне, отдаленной от населенного пункта, власть захватывал человек физически сильный или обладающий харизмой и сильной волей. Характерный пример – знаменитая «Семья» Чарльза Мэнсона, которая, начавшись с общины хиппи, вскоре приобрела вид деструктивной секты с полным подчинением лидеру группы.

Мы рассмотрели признаки, характерные для «правоверного» хиппи – «правоверного» постольку, поскольку слова у него расходились с делом реже, чем у остальных. Как мы

видим, даже эти общие идеалы нередко были противоречивы – неудивительно, что движение хиппи сумело сделать так мало. Когда большая часть активных сил движения уходит на согласование внутренних споров, построение нового общества отодвигается в далекое будущее. Когда пришло время менять историю, хиппи сами оказались историей.

Итак, кто перед нами? Бунтарь и ниспровергатель устоев? Революционер? Новатор? Провозвестник будущего? Или напротив, консерватор и ретроград, враг цивилизации и прогресса? Неизвестно.

Доподлинно можно утверждать лишь одно: впервые в истории молодежью была осуществлена масштабная попытка построить иное общество, не разрушая при этом уже сложившееся. Своеобразная форма протеста молодых людей против норм и устоев послевоенного потребительского общества – она потерпела неудачу ввиду заложенных внутри движения противоречий. И все же хиппизм нельзя считать умершим окончательно. Сегодня в России уже получило новое значение ветхое слово «хипстер» – кто знает, что будет дальше?

ЛИТЕРАТУРА:

1. Cavan, Sherry. Hippies on the Haight. – Elephant Wings, 1972. – 431 p.
2. The hippie papers. – Baltimore: Penguin books, 1972. – 280 p.
3. Yablonsky, Lewis. The hippie trip. – Baltimore: Penguin Books, 1974. – 358 p.

---

¹ Ахимса – учение в индуизме, подразумевающее категорическое неприменение насилия в жизни.